

НЯНИНА МОЛОДОСТЬ.

Около двухъ недѣль льетъ дождь изъ хмурыхъ, непроглядныхъ тучъ; нѣкоторые изъ дачниковъ, соскучясь долгимъ ненастiemъ, переѣхали въ свои московскіе дома; въ числѣ ихъ была одна знакомая семья: Сергѣй Романовичъ съ женой и дѣтьми. Дурная погода опять сплотила родныя семьи; чаще всего собирались у Михаила Павловича, или лучше сказать, у бабушки.

Вотъ, разъ въ сумерки, дѣти пристали къ няничкѣ: — Разскажи, да расскажи про старину, расскажи про свою молодость!

— Эхъ, дѣтушки, я молодость—то свою словно во снѣ видѣла, да и сонъ тотъ заспала, сказала старуха.

— Хоть что нибудь припомнни, няничка; ну хоть про то, какъ вы съ бабушкой были маленькия и какъ вы съ нею играли!

Сережа прибавилъ къ Сашиной просьбѣ свою — разскказать про общую дѣтскую

прабабушку. — Вѣдь ты кажется ее знавала, няня? сказалъ мальчикъ.

— Еще бы не знавать! да мы всѣ были природные крѣпостные вашей прабабоньки, и мать моя и дѣды и прадѣды, всѣ мы ужь такъ изъ роду въ родъ и переходили.

— А хорошо было встарину? спросилъ Сережа.

— Да всяко бывало, отвѣчала няня, — всего было, дѣтушки, повторила она: — и хорошее было и худое было, — вѣкъ пережить не поле перейдти! вотъ и у бабоньки вашей и радости были и горя бывали; мы съ нею весь вѣкъ прожили вмѣстѣ, а на тотъ свѣтъ ужь я впередъ ея пойду, чтобъ было кому тамъ ее, матушку мою, встрѣтить!

— Ну, няня! закричали дѣти въ нетерпѣніи, — на что ты говоришь все такое скучное! — разскажи намъ лучше про нашу прабабушку.

— Это про Елизавету Васильевну? спросила няня.

— Нѣть, няня, не про нее, а про бабушкину бабушку, про Дарью Егоровну.

— А, это про намѣстницу, про Дарью Егоровну! такъ она вамъ, дѣтушки, не прабабушкой, а прарабабушкой приходится; ну что же, извольте, и про нее расскажу что помню.

Старая барыня наша намѣстница была сама роду знатнаго, богатаго, да и по мужѣ тоже куда велика и горда была! Въ околодкѣ всѣ господа звали ее намѣстницей, въ отличку отъ молодыхъ княгинь, ея невѣстокъ; а намѣстницей она была гдѣ–то далеко, и жила она тамъ съ княземъ долго, почитай что до самой смерти его, которая приключилась ему въ дорогѣ, когда они ѿхали на побывку въ Питеръ. Не доѣхавъ до Питера, княгиня повернула въ свое село, похоронила князя и осталась безвыѣздно жить въ этой вотчинѣ. Мужнино имѣніе все сполна отдала дѣтямъ, а сама осталась на своемъ на родительскомъ награжденіи; было и въ своей отчинѣ надъ чѣмъ похозяйничать! Вѣдь въ пяти губерніяхъ были у нея помѣстья: какъ бывало пойдутъ зимою обозы наши, такъ словно каждый день въ

селѣ ярмарка: Закамскіе пріѣдутъ — меду, орѣховъ, дичи, коровьяго масла навезутъ; Симбирскіе — съ красной, свѣжей и соленой рыбой, съ мукой, съ пшеномъ да съ постilой, Нижегородскіе — сурскую стерлядь, орѣховое масло, пряники, а наипаче свинину, ветчину да дворовую птицу везутъ. Кладовыя и амбары ломятся, а у дворни по всякъ день праздникъ: свои, то есть домашніе, гостинцевъ наслали, да и госпожа изъ своихъ припасовъ выдаетъ всего вдоволь, ужъ про это можно сказать и княгинѣ честь приписать: любила покойница, чтобы народъ быль сыть и тепель, сама каждый день въ застольную хаживала, нашей трапезы откушать, и ужъ коли что не ладно, то бывало стряпухи наши сырой каши, аль недопеченаго хлѣба до новыхъ вѣниковъ не забудуть, — строго покойница взыскивала за дѣло! За то ужъ и ъда была, нашей ъдой иной бы помѣщикъ не побрезгалъ. Тутъ няня начала по пальцамъ насчитывать кушанья: въ мясоѣдъ, каждый день щи съ убоинкою (съ мясомъ), каша либо со свинымъ, либо съ

гусинымъ саломъ, ину пору и съ коровымъ масломъ давали, либо съ молокомъ, а молока у насъ и творогу было — ъшь не хочу! По праздникамъ, окромя всего, пироги, студень, а ину пору бужанинка съ хрѣномъ. Въ посты — щи съ грибами или со снятками, тюря, горохъ, каша съ масломъ, либо съ коноплянымъ сокомъ, гороховый, аль овсяный кисель, рѣпа, лукъ печеный. По праздникамъ щи съ соленой красной рыбой, пироги съ лукомъ, съ морковью, аль съ кашей да съ грибами, въ Благовѣщенье или въ имѧнины молодыхъ княгинь, — въ Екатерининъ и Варваринъ день жарили у насъ рыбу и пекли сладкіе пироги съ сушеной малиной или съ мачкомъ на меду.

Нечего, грѣхъ сказать дурное слово о старой барынѣ; — а ужь за вину какую, а наипаче за обманъ да за воровство, тутъ и прощенья не проси, больно накажутъ! Нашинскіе, то есть, изъ нашего села, боялись ее, да не гораздо, а дальніе обозники, что съ обозами приходили, такъ тѣ дрожкой дрожали, и что Богу свѣчай бывало наслелять, только бы пронеслась

гроза. А про обозниковъ то, дѣтушки, я вамъ вотъ что скажу: управляющіе иныхъ озорниковъ нарочно отправляли при обозахъ, а въ письмѣ и пропишути всѣ вины ихъ; виноватыхъ накажутъ, а иныхъ на усмиреніе на годъ въ другія вотчины отошлють.

Съ этого—то самаго и пошла молва: грозна, дескать, старая княгиня, не приведи Богъ, какъ грозна! А говорили все это потому, что не все про нее знали: хорошее то дома лежить, а худое далеко бѣжить. Нѣть, старая барыня, помяни Богъ ея душеньку! молвила няня крестясь, — была человѣчна; всякому поклонъ отдать, иного къ рукѣ допустить; больныхъ навѣщала, со своего стола ихъ питала, а коли бѣда у кого, поможеть, коли горе какое, пошлетъ священника разговорить, а иного къ себѣ позоветъ, да сама съ нимъ слово перемолвить, — кому же это не любо! Ину пору, кажись, такъ бы и упаль ей въ ножки! Бывало, взойдетъ утромъ въ дѣвичью вечерошніе уроки смотрѣть, — а ходила она утромъ въ бѣлой шитой

исподницъ, въ бѣлой кофтѣ съ оборками, голову повязывала бѣлыемъ же батистовымъ платкомъ, и изъ себя ужъ куда видная была. Я зневала ее пожилою барыней: росту была большаго, высока, прямая, какъ свѣча, худощава, волоса бѣлые, какъ серебро, густые прегустые, длинные предлинные, а брови темные, дугою надо всѣмъ глазомъ, глаза карые, такъ тебѣ и смотрять въ упоръ; на щекахъ хоть и замѣтны были умилички, только ужъ куда рѣдко улыбалась наша старая княгиня. Вотъ, бывало, взойдетъ она къ намъ, мы ей всѣ заразъ пояснымъ поклономъ поклонимся, и она намъ поклонъ отдасть, примолвя: — Богъ помочь! — Покорно благодаримъ, матушка, ваше сіятельство! Ну, вотъ и пойдетъ она наши кутузы, кружевныя подушки осматривать; любила покойница наипаче всего чистоту и аккуратность, у нея не смѣй грязно наплести или вышить, сейчасъ пойдетъ кутузы разбирать и, упаси Богъ, коли найдетъ подъ работой лепешу или ломоть хлѣба. На работѣ, княгиня не морила,

уроки задавала льготные, въ кануны и самые праздники ни за что своей работы не давала, не такъ какъ другіе господа, что пригоняютъ перепялы къ праздникамъ. Я еще что была? едва отъ полу видна, а помню, какъ намѣстница подойдетъ бывало къ матушкѣ, да и взглянетъ на меня, а я ужъ давно стою сложа ручку на ручку, поджидаю, чтобы княгиня пожаловала мнѣ свою ручку поцѣловать, а у нея пальчики то всѣ унизаны разноцвѣтными перстнями, такъ и сияютъ разными огнями! Вотъ, иной разъ княгиня запустить напередъ руку въ карманъ, да и дастъ мнѣ кусокъ сахару или горсть орѣховъ, а матушка меня въ шею, — кланяйся, моль, — благодари! Ину пору спросить княгиня: — что, Уля, много ли съ міру собрала? А это вотъ что было: меня дѣвки научили, когда, бывало, орѣхами пробавлялись, складывать ручку на ручку и, обходя ихъ, приговаривать: — ручка ходить по міру, собираетъ побиромъ, кто дастъ, тотъ князь, кто не дастъ, тотъ грязь! Старая барыня любила и жаловала мою матушку, и какъ только Господь далъ ей

первую внуку, вашу бабиньку, такъ она и приставила мою матушку въ няни; отпускаючи нась, — а мнѣ ужъ было годовъ съ десятокъ, — княгиня молвила: — «Изо всей дворни я выбрала тебя, Акулина, ты женщина умная, кроткая, преданная, поручаю тебѣ ребенка: пекись о внукѣ моей всѣмъ сердцемъ, всей душой своей, и куда глазъ мой не сягнетъ, тамъ будь ты за меня.» А мнѣ старая барыня сказала: — «ты десятью годами будешь старѣе княжны своей; наказываю тебѣ любить и тѣшить ее, помогать матери во всемъ; а подростешь, за хорошаго человѣка замужъ выдамъ и приданое дамъ.» Вотъ и повезли нась къ молодой княгинѣ въ село Сестрино, — оно верстъ во сто отъ нашего было; старая княгиня такъ вотчинами распредѣлила, что всѣхъ сыновей по близости отъ себя разсадила: кого во 100, кого въ 80, кого въ 50 верстъ, и у нея, бывало, дѣтушки, каждое разговѣнье, каждыя имянины ея, хоть топись, а ужъ пріѣзжай; а какъ всѣ съѣдутся, такъ она сзоветъ невѣстокъ, раздѣлить имъ хозяйство, сдасть ключи, а

сама смотрить на нихъ, да смекасть, которая досужье и понятливье. Одной княгинѣ прикажеть столь, значить и кладовыя съ припасами сдасть; другой отдасть горячее — это чай, кофе и всякое печенье къ нему; третьей — погребъ, тутъ вина, медъ, пиво и квасы; у этой княгини дѣла поменьше, такъ ей на прибавку шла застольная.

Вотъ и пойдутъ молодыя княгини къ намѣстницѣ за приказами, а она имъ: «Распоряжайся, мать моя, какъ изволишь будь, какъ въ своеемъ хозяйствѣ!» Ужь какое тутъ свое хозяйство: невѣстки по половичкѣ ходять, да и то съ оглядкой.

Разъ, сказываютъ, не знаю въ какой-то праздникъ, окромя своихъ съѣхалось много гостей; а въ старину, дѣтушки, гости не по нынѣшнему ъзжали, — ъздили они всѣмъ дворомъ, опричь хоромъ, ужь кого, кого не навезутъ! И камердинеровъ, и горничныхъ, и шутовъ, и карликовъ, и дворянъ пустодомовъ; а ужь что приживалокъ, да межедомокъ этихъ, что промежъ господскихъ домовъ слоняются, такъ ихъ,

бывало, не ограбешься! Каждаго напой, накорми, да и спать уложи! Бывало, съ гостями такими и празднику не радъ! А кучеровъ—то что, форейторовъ—то сколько, вѣдь кто тутъ поважнѣе, тотъ Ѳдетъ цугомъ — шестернею, а лошадей—то, лошадей — словно на барскій дворъ табунъ согнали! И всѣмъ имъ овса, да сѣна припаси, да пріѣзжихъ людишекъ ублаготвори, чтобы на господскій дворъ позору не клали! До княгини нашей пересуды не доходили, этого она не любила, и говаривала: — мои люди сыты, такъ будеть и съ чужихъ, а на всякое чиханье не наздравствуешься! Бывало, забѣжишь въ галерею, заглянешь въ окно, когда господа сядуть ужинать, а въ комнатахъ свѣть такой, словно въ полдень, все серебро и золото на столѣ жаромъ горить, а намѣстница наша сидить, какъ королева на своемъ мѣстѣ, по сторонамъ ея почетныя гости въ жемчугахъ и каменяхъ, а на ней только и есть, что блондовый чепецъ, словно серебряный вѣнчикъ на бѣлыхъ волосахъ, да синій

бархатный капотъ, — воть и весь нарядъ, а на видъ то важнѣе всѣхъ: взглянетъ ли на кого, молвить ли кому слово, — ну какъ есть королева! Вотъ, на такомъ-то гостиномъ обѣдѣ, разъ и случись у насъ бѣда: кто-то изъ гостей, изъ старишковъ, помянулъ, что при покойномъ князѣ, на крестинахъ, пиль у насъ знатную мальвазію; подумавъ маленько, намѣстница сказала: — Княгиня Евпраксія Никитишина, сходите-ка въ выходъ, тамъ на правой рукѣ, въ третьей перегородкѣ стоитъ пять бутылокъ старой мальвазіи, принесите бутылочку; княгиня пошла и вернулась ни съ чѣмъ; — Нѣту, говорить, тамъ мальвазіи. Намѣстница повторила тѣ же слова съ разстановкой, прибавивъ: — посмотрите хорошенъко.

Молодая княгиня ушла, не дослушавъ, и вернулась сердтая, пресердтая: — Никакой нѣть тамъ мальвазіи! сказала она. — Есть! отвѣчала старая барыня. А Евпраксія то Никитична съ сердцемъ и брякъ ей: — Нѣть у васъ мальвазіи, да, можетъ статься, никогда и не бывало! Такъ

всѣ и замерли, словно затишиь передъ бурей
сталась! Воть старая княгиня, сдвинувъ
брови, подозвала къ себѣ сына, да какъ
ляснетъ его по щекѣ; — Учи свою жену,
дуру, говорить! Послѣ стола взяла
намѣстница подъ руку того самаго гостя,
который на грѣхъ помянулъ про мальвазію,
пригласила и барынь, кому угодно
посмотрѣть ея винный подвалъ, — а тамъ
была чистота на диво. Воть и пошли всѣ
господа за нею, а сзади идетъ буфетчикъ съ
чарочками на подносѣ. Какъ взошли, такъ
княгиня прямо къ третьей перегородкѣ, что
направо, нагнулась и, доставъ бутылку,
показала гостю, а тотъ сейчасъ и призналь;
ее тутъ же откупорили и выпили за
здравье намѣстницы, а она, отхлебнувъ
изъ своей чарки, подала ее князю, мужу
княгини Евпраксіи, примолвивъ: — Пей,
Николай, это вино пили на твоихъ
крестиныхъ! а сама взяла да и поцѣловала
его въ лобъ. Ужь какъ же молодой князь
материнской ласкѣ обрадовался, — словно
выросъ вдругъ. Невѣсткѣ же своей

намѣстница и виду не подала, какъ будто межъ нихъ ничего и не было.

Надо правду молвить: старая барыня никому головы не грызла и прошлой вины не поминала; — кто старое помянеть, тому глазъ вонъ, говоривала она, уча невѣстокъ обращенью съ людьми. Тутъ няня, поникнувъ головою, смолкла.

— Ну, няничка, душечка, разскажи еще что нибудь про прарабабушку, торопили ее дѣти.

— Хотѣла я вамъ, дѣтушки, про крестины моей матушки барыни разсказать, да что-то позапамятали; глупа въ тѣ поры — сама не величка была! помню только, какъ покойницѣ матушкѣ моей, намѣстница пожаловала шелковый, вишневаго цвѣту платокъ, и какъ она, передавая ей бабиньку вашу на руки, возвеличала матушку мою по отчеству; право, дѣтушки, не лгу, намѣстница сама изволила покойницу матушку назвать Даниловной! Съ тѣхъ поръ, у князей и у молодыхъ княгинь такъ и пошла она Даниловной, а всѣ прочіе величали ее

ангельскимъ и отецкимъ именемъ:
Акулиной Даниловной.

— Няня, а какъ вы съ бабушкой играли,
въ какія игры? спросили дѣти.

— Мало ли игръ какихъ было!
зайчикомъ скакали, въ гусей–лебедей
играли, сказки сказывали, загадки
загадывали, ну и въ разныя игры играли, а
на святки золото хоронили, въ курилку, въ
жмурки, въ прятку, въ жгуты играли,
подблюдныя пѣсни пѣли, переряжались;
весной — хороводы водили, макъ сѣяли,
пиво варили, въ горѣлки, въ уточку, въ
воробья играли и на качеляхъ качались. А
ужь лучшей игры у бабиньки не было, какъ
ей изъ за трапезной тѣста принесешь, такъ
она полдня крендельки валяеть. Осенюю,
бывало, наберемъ разноцвѣтнаго блеклаго
листу всякаго: и желтаго, и краснаго, и
желтаго въ зеленыхъ крапинахъ, и зеленаго
въ желтыхъ крапинахъ, и краснаго съ
желтыми разводами, и играемъ этимъ
товаромъ въ ярмарку; мы — дѣвчонки за
тѣста купцовъ, а княжна межъ нась
покупательницей ходить, что бракуетъ, а

что хвалить, да на орѣшки покупаетъ. Ино жолудей наберемъ, посуду дѣлаемъ: перерѣжемъ жолудь пополамъ, ядро выкинемъ, а изъ половиночекъ у насъ чашечки, изъ желудиныхъ поддоновъ блюдечки выйдутъ, а потомъ, выберемъ самый большущій жолудь, срѣжемъ съ него верхушечку, выковырнемъ ядро, вотъ этотъ—то желудочекъ идетъ у насъ замѣсть чайника, а срѣзанная верхушечка за мѣсто крышки; съ одной сторонки проткнемъ жолудь и вставимъ травинку, — это рыльце, а съ другой стороны воткнемъ травинку за мѣсто ручки.

Да, дѣтушки, встарину не то, что теперь, — игрушки были на рѣдкость, и ужь какія богатыя барышни, и тѣ самодѣльщикій играли, а не хуже вашего забавлялись! Да я что—то игрушекъ у бабиньки и не запомню; все больше куклами играли, что сами же и шили; была, правда, у насъ кухонная посудка, да еще чайный приборъ, вотъ и все; а про фарфоровыя игрушки я и не говорю: имъ давали бабинькѣ поиграть только въ Святъ

день до обѣда, а тамъ опять въ горку убирали.

— Няничка, какія же это такія игрушки были?

— А кто ихъ знаетъ, какія? сказывали дорогія, заморскія: были тамъ двѣ пастушки съ пастухомъ, собачка, два барашка да птичка въ клѣткѣ, и еще былъ словно цѣлый хороводъ куколокъ пастушекъ съ пастушками, и стояли они на блудечкѣ, взявшись за руки; пастушки въ розовыхъ да желтыхъ платьяхъ, а пастушки въ голубыхъ камзолахъ; какъ бывало, тронешь ихъ пальцемъ, они и закружатся. Вотъ и всѣ игрушки, не то что у васъ, — вашихъ то, чай, и не перечтешь!

— Разскажи намъ про Смольный монастырь, какъ ты тамъ съ бабушкой жила? спросила Саша.

— Постой, Сашенька, еще до Смольнаго-то далеко, еще тутъ французъ приходилъ.

— Ну, разскажи про француза.

— И рада бы, дѣтушки, разсказала, да съ годами память отило, и все былое, все

словно вода въ рѣшето ушла! А молода была, все знала и всякия печатныя аль писанныя бумаги, что при мнѣ читали, все помнила! Теперь, чай ни одно словечко въ умѣ по печатному не сложится; только и помню: что идетъ—де на православный народъ французъ, съ двадесятю языкъ, а ведеть ихъ окаянный Бонапартъ; народъ грабить, бьеть, святые храмы Божи сквернить, въ нихъ, за мѣсто конюшень, лошадей ставить, образа обдираеть, и много еще тамъ было всего пропечатано. Вотъ и сталъ народъ собираться, промежъ себя сговариваться, что, да что дѣлать? стали и господа чаще съѣзжаться, и все про француза толкуютъ. Пришла разъ бумага, что—де коли у кого мадама или мамзель проживаетъ, али мусье въ учителяхъ, то чтобы господа за нихъ поручились, что не станутъ—де они со своими знаться и про насъ имъ отписывать.

А у насъ въ тѣ поры, только—что для бабиньки вашей французенку мадаму взяли; вотъ князь нашъ и говорить: — А кто за нихъ поручится, я первый отказываюсь!

Княгиня Елизавета Васильевна замолвила, должно статься, за мадаму французское словечко, а покойный князь хоть и хвораль, да какъ крикнетъ что–то тоже по французскому, ну такъ всѣ и замолчали! Вотъ какъ отошло у него сердце, онъ подозвалъ къ себѣ княгиню, поцѣловалъ у нея ручку и говоритъ: — Лучше намъ, княгиня, чтобы дочь наша вовсе по французски не знала, чѣмъ держать ехидну за пазухой! На томъ и порѣшили, чтобы на другой день отправить мадаму; она было упираться, — да съ нашимъ то княземъ не больно наломаешься, — что скажеть, то и сдѣлаетъ!

— Пошла у насъ рекрутчина, а тамъ наборы въ ополченіе, и простой народъ и господа, всѣ шарахнулись; всѣ идутъ за матушку землю русскую да за церковь Православную. Вотъ хоть бы и у насъ; у намѣстницы три сына было; и какъ есть всѣ трое пошли на войну; нашъ–то князь не поспѣль путемъ отъ болѣзни оправиться, а собрался за братьями, ему виши зазорно было старшему брату отъ меньшихъ

отстать! А что вытья—то, что вытья—то у насъ было! Мы все едино, что на смерть его провожали: отслужили напутственный молебенъ, и служили его на дворѣ, — въ комнатахъ же негдѣ было повернуться. Княгиню замертво унесли, княжну баринъ благословилъ образомъ, перекрестиль ее и велѣлъ также увести, а вашу бабиньку, сказала няня, обращаясь къ Сережѣ съ Алешей и къ Зинѣ съ Лизой, тогда еще на рукахъ носили; вотъ князь взялъ ее отъ няни, высоко поднялъ, потомъ приложилъ ее къ нерукотворенному образу Спасителя, прижалъ себѣ къ груди, перекрестиль и также велѣлъ унести, а самъ обратился къ народу: — «Прощайте, ребята, не поминайте лихомъ! иду отстаивать свою семью, васъ и всю Русь православную!» Батюшки свѣты! какъ взвоетъ народъ, какъ грянется ему въ ноги! — «Не ходи, батюшка—князь, не покидай насъ, пожалѣй хоть княгиню свою, не пустимъ тебя, кормилецъ нашъ!» И стала народъ напирать на него, а другіе что посмѣлѣ, ужь и за лошадей принялись; какъ рванется нашъ князь, — а куда силенъ

быль, — да крикнетъ на народъ: — «Прочь, дурачье! Я съ вами какъ съ людьми поговорить хотѣль, а вы, словно бабы, нюни распустили!» И стала князь подзывасть мужичковъ, что посмышленѣе. — «Ну, говорить, ребята, сказывайте, что безъ меня дѣлать замышляете, когда французъ подойдетъ? — А, что другіе, батюшка, дѣлать станутъ, то и мы! бають, вишь, православные скотъ въ лѣсь гонять, хлѣбъ въ землю прячуть, дома жгутъ, а сами въ лѣсь уходять! — Ладно! молвиль князь, — свои избы жечь станете и мои хоромы подпалите, — чтобы врагу не было ни дна, ни покрышки! — Такъ, такъ, вѣстимо такъ!» крикнулъ народъ.

— Ну, коли такъ, и по рукамъ! сказалъ князь, обнимаясь съ народомъ. Потомъ, словно теперь смотрю, стала на подножку, да и крикнула всѣмъ: — «Ребята, пуще глаза беречь княгиню мою съ княжнами!» А она, лебедушка наша, легка на поминѣ, очнулась, да и на крыльце! ужь видѣлъ ли ее князь, не видаль ли, а крикнула: — Пошелъ! Кучерь свистнулъ, кони помчали,

пыль поднялась столбомъ, — думали, вѣкъ не видать князя, а Господь иначе судиль: послалъ ему болѣзнь и вернуль послѣдняго сына матери! Хоть князь нашъ и обижался на болѣзнь свою, да ничего не подѣлаешь, — противъ Бога не пойдешь! А ужь соколику нашему, среднему князю, видно на роду написано было домой не ворочаться: сложилъ сердечный головушку свою въ великомъ бою, что подъ Москвою былъ; меньшой же князь, мужъ княгини Евпраксiei, хоть и вернулся, да калѣкой, безъ руки, и то говоритъ, спасибо солдатушкамъ, что вынесли его на себѣ!

Боясь, чтобы няня не закончила своего рассказа, дѣти другъ за дружкой понукали ее: — ну, няничка, да нуже — разсказывай!

— Ну, да ну! сказала старуха, — то то и есть, дѣтушки, что нынѣ ну не Ѳдетъ тпру не везеть!

— На чемъ биши я остановилась? Да, какъ нашъ князь уѣхалъ, вотъ и сталось въ дому, какъ въ гробу, затишь такая, что муху слыхать, а бабинька то хоть пяти годочековъ была, но все понимала: бывало,

захлеснетъ ручки надъ головушкой, да таково то жалобно плачетъ, а глядючи на нее, и мы, бывало, ревемъ до надсаду.

Княгинѣ же безъ князя высокъ теремъ опостыль, она такъ и дневала и ночевала въ своей образной.

Усадьба наша была неподалеку отъ города, а большая дорога шла по самому селу мимо господского дома; вотъ, бывало, кто не ъдетъ, всякаго опросишь, мужикъ ли баринъ ли: — что моль наши? — гдѣ французъ? Иной рукой махнетъ, мимо проѣдетъ, а иной отвѣтъ дастъ: — валить де его сила видима, невидима, все губить, ничему пощады не даетъ: святотатствуетъ, церкви поганить, надъ младенцами ругается; кого изъ взрослыхъ найдеть, на свою службу ставить, волю обѣщаетъ! — А провалиться бы ему сквозь землю съ его антихристовой волей! кричаль народъ нашъ и ужь заранѣе располагали, какъ и что дѣлать: ребятамъ на ность нарубили, какъ чуть послышать переполохъ, — а въ набатъ ударить взялся нашъ старый дьячекъ, — такъ, чтобы они и бѣжали въ рожь, а оттуда

въ оврагъ спускались и пробирались орѣшникомъ къ Макаровой ямѣ; бабы ребятницы шли бы съ ними, а прочія бабы подсобляли старымъ да немощнымъ; мужички же засады затѣвали.

Воть пока все это дѣялось, надумала намѣстница наша собрать всѣхъ невѣстокъ со внучатами къ себѣ подъ крылушки. Взгадано, сдѣлано. Потянулись обозы со всѣхъ трехъ усадѣбъ въ село Борище. И ужь мы ѿхали, ѿхали тѣмъ боромъ, по которому самое село прозвано, даже душно стало княжнамъ, а мнѣ то любо! Я, почитай, въ бору и родилась: княгинѣ смерть не хотѣлось ѿхать на житѣе къ свекрови, да вѣдь съ намѣстницею ничего не подѣлаешь! Мы прїехали первыя, и ужь какъ старая княгиня приняла молодую, таково то ласково, да любовно, какъ не всякая мать родная приметь дѣтище свое! И не намъ однѣмъ, а и другимъ невѣсткамъ былъ такой же почетъ.

Воть и стали мы жить да поживать, да скучу избывать; правду пословица говорить: безъ бѣды друга не узнаешь, —

одни уста тепломъ и холodomъ дышать! Молодыя княгини такъ всей душой и прильнули къ намѣстницѣ, а она, словно крѣпкая материца, въ дому всѣмъ подпора, всѣмъ оборона! Объ эту—то пору не ждано не гадано воротился нашъ князь, больной, исхудалый, желтый; мы же ему словно Христову празднику обрадовались, обрадовалась, должно быть, и намѣстница, да только радость свою отъ другихъ таила. Вотъ и стали приходить вѣсти одна другой грознѣе: французъ напираетъ, тѣснить, а наши пятятся, все назадъ подаются. — И, что это, говорила намѣстница, заламывая руки, — русскихъ бояръ у насъ не стало, что нѣмцамъ всѣ арміи поручены! вѣдь того и гляди, что они его, супостата нашего, къ Москвѣ приведутъ, да и выдадутъ ее своими руками! Княгиня на каждый день приказала службу; ежеденно служили молебень съ колѣнопреклоненіемъ при отворенныхъ царскихъ дверяхъ. А уже молва то какая по народу ходила, такъ страсти Господни: что Наполеонъ то и есть самый антихристъ, что онъ нашихъ неволей

въ свое становище уводить, клеймо на правую рученьку кладеть, и что православному человѣку нѣту тошнѣе того дьявольского знака; были такіе, что сами себѣ руку на прочь топоромъ отсѣкали. Сказывали еще, что окаянный Бонапартъ двоихъ смоленскихъ господъ поймалъ и казнилъ за то, что они не согласились на него служить; да мало ли чего не было, — всего было, дѣтушки, всего было! — А что горя да слезъ! такъ развѣ въ татаршину было то, что сталось, когда матушка наша первопрестольная, златоверхая Москва врагу въ руки досталась. — Сжегъ бы ее, а не отдалъ! крикнуль князь.

— Твоими бы устами да медъ пить, молвила намѣстница. — Нѣту, сынъ мой, видно у насъ ни одного путнаго человѣка не осталось! Свѣта представленіе, да и только!

Заперлась она, матушка наша, въ образной, да оттуда двое сутокъ не выходила; а той порой пришла вѣсть, что одинъ князь раненъ, а другой въ великомъ бою головушку сложилъ. Не знали, какъ намѣстницѣ доложить, а у нея сердце

вѣщунь, само прослыпало! Вышла изъ образной: глаза впали, губы словно землей подернуло, только и спросила: — Котораго Господь взяль? Съ той поры, взяла она вдовую княгиню вмѣсто дочери, а княжичу — внуку отписала заживо поль-имѣнія, онъ такъ у нея одинъ внука и остался, — у другихъ же сыновей все дочери были. Разъ изъ городу вернулся батюшка священникъ, да прямехонько подъѣхалъ къ господскому дому, господа выбѣжали на встрѣчу: — Что? что? А онъ и плачетъ, и смѣется, говорить: — Православные не выдали святыни, — своими руками жгутъ Москву, сказываютъ, третій день въ той сторонѣ великое зарево стоитъ! Новобранцевъ видимо невидимо къ войскамъ прибываетъ, а главнокомандующій головой своей поклялся извести француза. Вздохнула старая барыня глубоко, осѣнила себя большимъ крестомъ, да вотъ такъ-то, глядя на образъ, промолвила: — Помяни имъ Господи кровь неповинную, помяни имъ нашу Москву первопрестольную!

Стала княгиня семью свою въ дальнія вотчины собирать. — А про меня, старуху, не заботьтесь, я коли что, такъ съумѣю принять незваныхъ гостей! и больше того намѣстница ни слова не проронила, а со старымъ дворецкимъ да съ батюшкою священникомъ видно что-то затѣвали. Князь же по болѣзни своей будто и покорился, а самъ тоже съ достовѣрными людьми о чемъ-то сговаривался. Вонъ, въ такую-то пору сидять разъ господа за кофеемъ, а я съ княжнами въ прятки играла, подкатили къ крыльцу нѣсколько троекъ.

— Ужь не знаю, дѣтушки, какъ и назвать вамъ, сказала няня смѣясь, — словно все переряженые прїѣхали, съ ружьями да палашами, а въ первой телѣгѣ въ кольчугѣ, въ золоченомъ шишакѣ сидѣлъ Петръ Никитьевичъ, женатый на нашей барышнѣ, на младшей княжнѣ, его старая барыня не любила, сказываютъ, княжна тайкомъ отъ родительницы съ нимъ обвѣнчалась!

Они рѣдко ъзжали къ намъ.

Петръ Никитьевичъ моталь на пропалую, и больше всего на охоту разорялся. Къ нему ъзжали знатные господа изъ Москвы и Питера; охота его была первая, у него всѣ охотники въ тонкомъ, зеленомъ сукнѣ ходили, своры и ошейники съ чистаго серебра были, рога охотничыи также серебряные, а новую каменнную псарню выстроилъ не хуже господскаго дома, а у господскаго крыльца завсегда медвѣдь или два на щѣпяхъ въ сторожкѣ лежали.

Жили молодые господа промежь себя хорошо, только отъ намѣстницы нашей не было зятю другаго имени, какъ пустоголовый.

— Что ты, братъ, такимъ шутомъ нарядился? спросиль нашъ князь Петра Никитьевича.

— Какъ видишь, ъду на француза.

— А переряженыхъ куда везешь?

— Со мной.

— А Софья, что? опять спросиль князь.

— Да вотъ все нась снаряжала.

— Дура была, дура и есть! сквозь зубы молвила намѣстница.

— А я, матушка-княгиня, къ вамъ за родительскимъ благословеніемъ пріѣхалъ, и жена просить васъ положить гнѣвъ на милость, сказалъ Петръ Никитьевичъ.

— Я, отецъ мой, благословеніемъ не шучу; благословеніе дѣло великое! сказала намѣстница. И, какъ Петръ Никитьевичъ ни разстилался передъ старой барыней, она устояла на своемъ. Онъ со своей ватагой укатиль со двора, а за мѣсто его пожаловалъ чиновникъ съ письмоводителемъ, а за ними, словно сговорясь, сосѣдей гибель наѣхало, все бумаги читали, читали, толковали до полуночи. Стали спать укладываться, пошла суматоха! Письмоводителю, писарю, дворянину, что съ придурию былъ,сосѣдній баринъ его замѣсто шута держаль, мѣста не достало и положили ихъ въ передней на рундукъ; старики буфетчикъ легъ тамъ же. А въ передней въ клѣткѣ висѣль воронъ. Не спалось, видно барину, и сталъ онъ ворона дразнить: — Дуракъ да дуракъ, а

воронъ ему на обмѣнъ: Дуракъ! а баринъ, благо глупѣе себя нашелъ, сталъ шибче кричать: — Нѣть, врешь, ты дуракъ! Воронъ же нашъ, какъ зарядилъ свое — дуракъ! такъ словно изъ бочки и ореть. Буфетчикъ знать умаялся, спить, какъ убитый, а блажной—то подскочилъ къ ворону, да ну хлестать по клѣткѣ платкомъ! Воронъ какъ гаркнетъ: карауль! и пошелъ, и пошелъ! Все это мы опосля узнали. Буфетчикъ вскочилъ съ просонья, да на дворъ, кричить: — французъ! Караульные сбѣжались, ударили въ набатъ, пошелъ переполохъ по селу. Мы съ матушкой моей схватили княжонъ, да въ садъ, къ бору хотѣли пробраться, тамъ у красной сосны приказано было собираться. Что въ покояхъ дѣлалось — не знаю, слышала, что намѣстница, отдавъ приказанья, появилась какъ ни въ чемъ не бывало, такая же важная, великатная, — хочу—де непрошеныхъ гостей чествовать! Вотъ, пробравшись къ бору, а ужъ тамъ въ бору народъ копошится, обернулись назадъ, глядимъ, мѣстахъ въ пяти избы на селѣ,

какъ свѣчи горятъ! А ночь стоять тихая, ясная, морозная. — Ну, думаю себѣ, — не даромъ князь наказывалъ, чтобы во всякомъ домѣ солома была запасена! А еще хорошо, дѣтушки, что прарабабинькинымъ приказамъ буфетчикъ позамедлилъ: онъ, сердечный, побѣжалъ переодѣться, на смерть чистое бѣлье надѣть, да и позамѣшкался тамъ, и то бы съ попыховъ и хоромы сожгли! Ну вотъ, какъ все открылось, разузнали, что отчего, стали на селѣ пожаръ тушить, а шальнаго барина согнали да и впередъ запреть ему вышелъ намѣстницѣ глазъ не казать, ворона во флигель сослали. Только мы французовъ и видѣли. Нѣть, дайте срокъ, и про заправскихъ разскажу, замѣтила няня.

Изъ княжьяго села Сестрина господамъ донесли, что все обстоитъ благополучно, только что орѣховъ да брусники бабы не гораздо набрали, боялись далече отъ домовъ уходить; яблоки же всѣ, какъ есть, пособраны, и слышно де, что французъ по близости міродерничаетъ, но къ намъ не заходитъ. А тутъ и Петръ Никитьевичъ

воротился, говорить: — Бонапартъ изъ Москвы бѣжалъ, и чуть ли его казаки не изловили.

— Ну, а ты что, братъ? спросилъ его князь. — Куда дѣвалъ свое воинство?

— Сдалъ охотниками.

— А самъ что?

— А самъ ъду домой, дѣла есть.

— Пустоголовый, пустоголовый! молвила ему намѣстница, — а еще благословенія моего просилъ!

— Что же, княгиня, я не даромъ ъздилъ: двоихъ отъ замученья спасъ; пріѣхалъ я въ деревню, вижу, на площади бабы съ заступами, съ лопатами, съ цѣпами стоять, орутъ во всю ивановскую! Я къ нимъ, вижу, яма вырыта, — что, молъ, это дѣлаете? — А вотъ, батюшка, міродеровъ поймали, такъ ихъ хотимъ живьемъ зарыть! — Эхъ, бабы, говорю я имъ, — не того они стоять! отдайте мнѣ, я ихъ медвѣдями стравлю. Однѣ согласились, другія заартачились; я бросиль имъ синеньку, взвалиль съ кучеромъ французовъ въ телегу, да и былъ таковъ!

— Какъ услыхали мы, что у нась на дворѣ заправской французъ есть, такъ всѣ и сбѣжались поглядѣть, каковы французы бываютъ? Батюшки свѣты! и въ чёмъ душа держалась; блѣдные, худые, избитые, оборванные! Даже намъ, словно, ихъ жалко стало! Намѣстница наша и на глаза ихъ не пустила, а напоить накормить, приказала.

Ну, пришелъ и на нашу улицу праздникъ! — погнали француза во—свояси! сказываютъ, хуже цыганъ оборванцами шли; кто въ чёмъ, кто въ лаптяхъ, кто въ котахъ, кто въ салопѣ, кто въ поповской теплой рясѣ.

Сталь князь нашъ у матушки своей хоть на побывку домой отпрашиваться. Ничего, отпустила; — только наказала къ Филиповкамъ, къ заговѣнью неотмѣнно быть. Дома все благополучно застали, и карауль и все, какъ надо; по вечерамъ, мы днѧ по два бѣгали на чердакъ въ слуховое окно смотрѣть на бивачные огни, даже и княгиня ходила смотрѣть на вражьи биваки, и на нашихъ, какъ огонь горѣлъ, и какъ огни тѣ съ каждымъ вечеромъ отъ нась

отодвигались, а подъ конецъ и вовсе изъ глазъ пропали, какъ пропалъ и сгинула въ снѣгахъ французъ. — Вотъ вамъ, дѣтушки, что помнила, то сказала, а что запамятаала, того не пытайте, — все, какъ въ воду, кануло, словно за тридевять земель въ тридесятое царство ушло!

В. ДАЛЬ